

ИМПЕРСКАЯ ИДЕЯ В ТРУДАХ ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО

А. В. Бирюков

(Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»,
кафедра всеобщей истории)

В статье рассмотрена интерпретация идеи всемирной империи в произведениях автора ранневизантийской эпохи Прокопия Кесарийского.

Ранневизантийскую эпоху (IV–VI вв.) справедливо считают последней исторической фазой развития античного общества, неразрывно связанной с античными традициями, в том числе в политико-идеологической сфере. Авторы этой эпохи пытались оценить наследие Римской империи, погибшей на Западе, и предугадать судьбу ее восточной части в условиях, когда носителем имперской государственности снова, как и до IV в., выступал лишь один город – на этот раз Новый Рим, Константинополь. При этом следует помнить, что жители Византии всегда считали себя ромеями, то есть римлянами, а свою империю – Римской.

Тем не менее, начало собственной государственности в Византии определялось весьма четко: это было не легендарное основание «старого» Рима, а появление Рима нового – с претензией на статус, славу, авторитет и миродержавство Рима «старого». Фундаментом и краеугольным камнем Восточной империи всегда считалось правление Константина I – как по причине того, что он перенес столицу в Константинополь, так и потому, что созданная им политическая система сохранялась в Византии несколько столетий – режим неограниченной монархии в союзе, «симфонии» с христианской церковью. Таким образом, в основе византийской политической теории лежала старая римская императорская идея, связанная с хорошо знакомой Востоку эллинистической идеей царства, но оформленная в соответствии с новой, христианской концепцией верховной власти [1, с. 15].

Эти соображения следует принимать во внимание, когда мы рассматриваем творчество крупнейшего историка ранней Византии Прокопия Кесарийского (ок. 500 – после 562). Примечательна его трактовка идеи императорской власти. Как отмечают исследователи, в основе византийской концепции верховной власти «богоизбранного» императора лежало уходящее корнями в античную эпоху представление о верховном правителе как о «божественном муже» и о сакральном характере его власти. Однако «божественным» и самодержавным считался не каждый конкретный василевс, а император «вообще» как воплощение самого принципа императорской власти [2, с. 117, 121]. Прокопий вполне разделяет мысль о том, что устройство империи являлось совершенным и единственно возможным, поэтому навредить ему могли только сами люди, в том числе и «плохие» императоры. Так, он говорит о Юстиниане и его жене Феодоре: «В моих

глазах... они казались вовсе не людьми, а какими-то демонами, чумой и гибелью страны» [Тайная ист., XII, 14]. В этом отношении он следует точке зрения византийского писателя V в. Приска Панийского, утверждавшего, что «законы хороши, и ромейское общество прекрасно устроено, но правители портят и расстраивают его» [4]. При этом критика поступков конкретного императора не означала, что Прокопий выступает против императорской власти. Его политический идеал – самодержавный мудрый правитель, опирающийся на лучших людей (сенат) и соблюдающий законы. Это мысли консерватора, оплакивающего упадок старых римских порядков и порицающего любые «новшества» тиранического правления Юстиниана.

Интересны взгляды Прокопия на саму имперскую идею. Как христианин он чужд мучительной тоски по гибнущей языческой цивилизации, но при этом ощущает себя полноправным наследником ее высочайшей культуры. Прокопий разделяет идею великого и вечного Рима, высказанную еще Полибием и Аммианом Марцеллином, но у него налицо полное переосмысление данной концепции: Прокопий говорит о величии не конкретного города Рима, а Рима как империи, как воплощенной идеи без прежней географической привязки. Она продолжается в Византии: в мире по-прежнему существует единственная Империя, окруженная варварами. Византию он называет Римской империей [Война с персами, II, 5.1; Война с вандалами, I, 3.29], ее василевсы – это римские императоры [Война с персами, I, 1.1], ее население – ромеи, римляне. Прокопий больше не патриот *города* Рима; он патриот Рима как *идеи* вселенской Империи, земным воплощением которой стала Византия, а столицей – Новый Рим, Константинополь.

Расширение границ Византии в VI в. Прокопий воспринимает положительно – как закономерное поведение мировой державы. В этом смысле им более не движет идея возрождения былой Римской империи: он уже *византийский патриот*, и покорение варварских королевств в Северной Африке и Италии для него – не «освобождение» и «отвоевание» прежде утерянного (римского), а *завоевание* и *присоединение* новых (чужих) областей [1, с. 199]. Именно так Прокопий трактует войны Юстиниана: это не *restitutio imperii*, а естественное стремление к покорению территорий и славные победы ромейского оружия [Война с персами, II, 4.1; Война с вандалами, I, 3.29]. Таким образом, ощущение общности бывшего «римского мира» потеряно: западные римляне перестали быть соотечественниками, оторванными от материнского государства; они превратились в соседей и объект экспансии для империи, которая, желая непрерывно расширяться, превращает их и прочие народы в подданных константинопольского двора.

Сочинениям Прокопия, как и других ранневизантийских историков, присуща еще одна характерная черта: глубокий интерес к проблеме взаимоотношений римско-византийского и варварского мира. И здесь налицо полный разрыв с современниками, творившими на западе бывшей Римской империи. Так, если Флавий Кассиодор разрабатывал концепцию сосуществования римских традиций и остготской государственности в Италии и пророчил новый подъем Рима под властью просвещенного короля Теодориха, то Прокопий действовал в духе старого «римского патриотизма». Полагая себя гражданином мировой римской державы, Прокопий по давней традиции делил все человечество на римлян – носителей высокой культуры и законов – и на варваров. В описании «варварских» народов (персов, вандалов, остготов и прочих) у Прокопия всегда заметно ощущение презрительного превосходства цивилизованного римлянина над невежественными варварами, которые способны только на то, «чтобы вредить делу ромеев». Исходя из этих соображений, историк предлагает единственный, как ему представляется, способ взаимодействия с ними – активную наступательную политику, бескомпромиссность, поскольку удерживать варваров от нападения должен лишь страх перед римским оружием. Прокопий видит, что напор варваров на империю становится все сильнее, но, тем не менее, убежденность в превосходстве ромеев над варварами вселяла в него самоуверенную надежду на конечную победу империи [5, с. 164]. Эта же убежденность заставляла его горько переживать неудачи византийского оружия и громогласно осуждать любые уступки императора варварам [Тайная история, XIX, 6-10; VIII, 5-6].

Таким образом, в концепции имперской идеи Прокопия Кесарийского, крупнейшего ранневизантийского историка, окончательно завершился идеологический переход от римоцентризма к византинизму, начатый в трудах византийских авторов V века.

Литература

1. Курбатов, Г. Л. Ранневизантийские портреты : К истории общественно-политической мысли / Г. Л. Курбатов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1991. – 272 с.
2. Пенская, Т. М. Небесное и земное в византийской модели императорской власти / Т. М. Пенская // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Философско-теологические науки. – 2008. – № 12(52). – С. 117–125.
3. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. – М. : Наука, 1993. – 576 с.
4. Сказания Приска Панийского [электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prisc/frametext21.htm> – Дата доступа : 15.01.2020.
5. Удальцова, З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии / З. В. Удальцова. – М. : Наука, 1974. – 351 с.